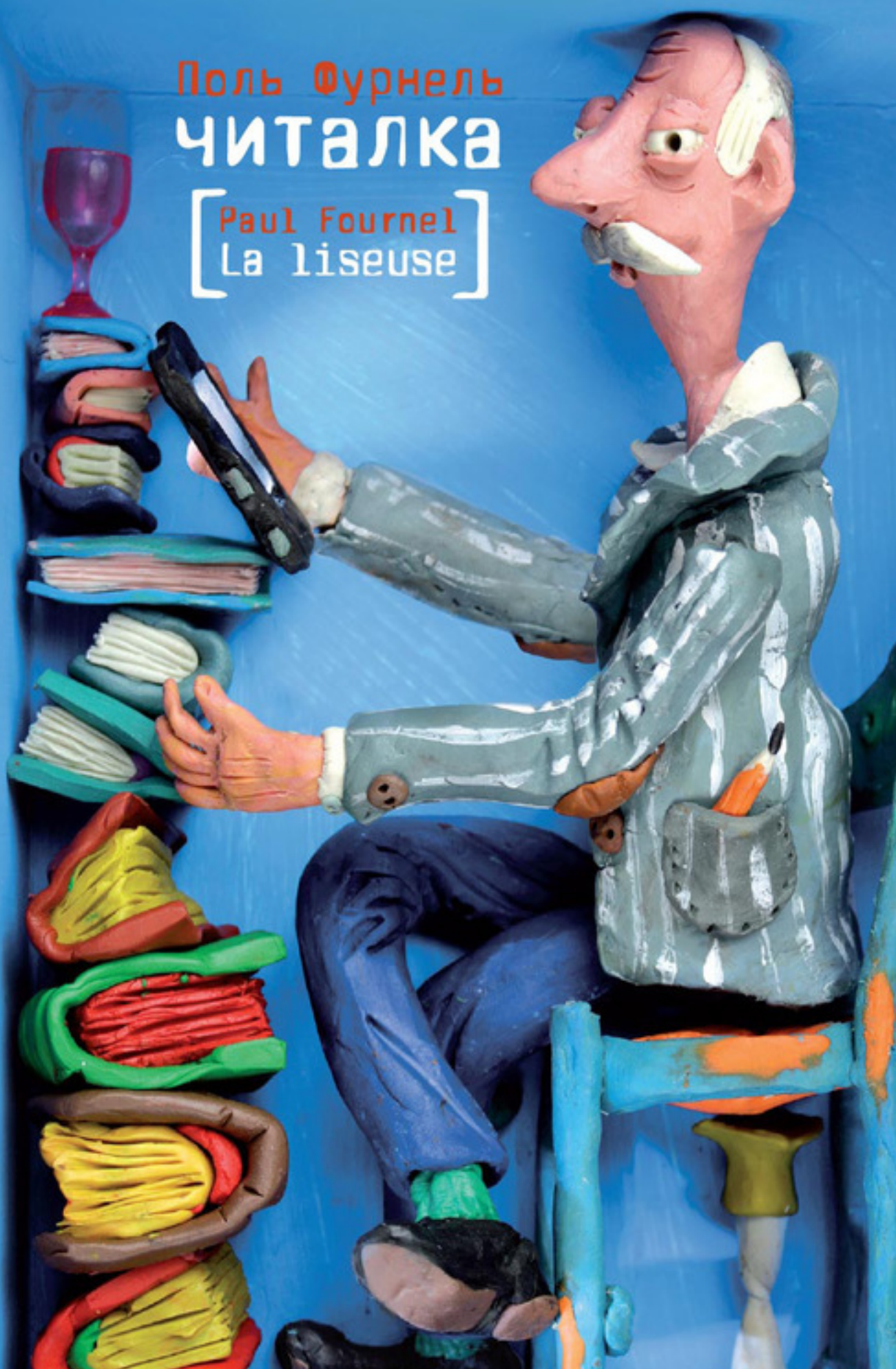

Поль Фурнель

Читалка

[Paul Fournel
La liseuse]

Поль Фурнель

Читалка

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8738709
Читалка/ Поль Фурнель ; [пер. с фр. Т. Источниковой].: Синдбад; Москва; 2015
ISBN 978-5-905891-60-1

Аннотация

С 1452 года, с издания 42-строчной библии Гуттенберга, текст и книга составляли единое целое. Опубликовать текст означало напечатать книгу, чтение текста подразумевало чтение книги, а приобрести текст можно было лишь купив книгу...

Эта история началась вечером обычной пятницы, когда практикантка принесла ветерану издательского дела Роберу Дюбуа, бывшему владельцу, а ныне главному редактору издательства, которое все еще носит его имя, электронную читалку. Глядя на «гладкую, черную, холодную штуковину», старый издатель понимает, что отныне его жизнь уже не будет прежней. Что станет с его профессией теперь, когда текст и бумага разделены? Дюбуа кажется, что и сердце его раскололось на две части.

Похоже, назревает революция. Впору отчаяться, но... Дюбуа лишь загадочно улыбается. И продолжает работать – обедает с авторами, встречается с читателями, совещается с книготорговцами... Теперь он не расстанется с читалкой, которая заставляет его открывать для себя совершенно новый, пока еще пугающий мир. Дюбуа поможет освоиться в нем своим молодым коллегам. Хотя знает, что ему самому в этом мире места нет.

Герой романа смотрит на происходящее с юмором, проникательностью и теплотой – он уверен: никакой технический прогресс не в силах уничтожить в человеке страсть к чтению.

Содержание

1	5
2	8
3	11
4	14
5	17
6	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Поль Фурнель

Читалка

Этот текст написан по принципу секстины – поэтической формы, придуманной в XII веке трубадуром Арнаутом Даниэлем. В ней соблюдается определенное количество строф и чередование рифмованных слов в конце каждой строфы. В конце каждой главы согласно классическому спиральному принципу секстины повторяются одни и те же слова: в данном случае «читать», «крем», «издатель», «ошибка», «я» и «вечер».

Строфы секстины имеют заданный объем. В каждой из них количество знаков постепенно уменьшается (тающий снежный ком): в первой строфе 7500 знаков с пробелами, во второй – 6500; и так далее до шестой, в которой 2500 знаков с пробелами. Общее количество знаков – 180 000, включая пробелы.

Paul Fournel
La liseuse

© Editions P.O.L, 2012.

Издание подготовлено при содействии Editions P.O.L и литературного агента Анастасии Лестер

Перевод с французского Татьяны Источниковой

1

На свете есть куча книг, прочитать которые обязан каждый и которые читали все – кроме меня, рассудившего, что их читало столько народу, что я им уже не нужен, и потратившего свое время на чтение совсем других книг.

Франсуа Карадек

– Никто не знает, почему книги распродаются быстрее или медленнее.

– Об этом я уже слышал, – сказал Гарп.

Джон Ирвинг. Мир глазами Гарпа

Долгое время у меня была привычка сидеть, задрав ноги на стол, чтобы расслабиться, а заодно разогнать кровь и усилить ее приток к мозгу, но теперь мне все чаще, особенно вечером, особенно вечером пятницы, случается опускать на него голову. Я складываю руки поверх раскрытой рукописи и склоняюсь к ней, лбом утыкаясь в предплечье, а щекой касаясь свежееотпечатанного текста. Ребро столешницы упирается мне в грудь, заставляя сердце колотиться быстрее. Старый письменный стол в стиле ар-деко – отличный проводник эмоций, в том числе отрицательных. Рульманн? Лелё? Он много чего перевидал. Я слушаю, как в тишине опустевшего издательства стучит мое сердце, мое усталое пятничное сердце. К этому часу все уже разошлись, на борту я один, выжатый как лимон и не способный даже собрать рукописи, которые должен взять на выходные домой. Как всегда по пятницам.

Сейчас у меня под щекой любовный роман: история парня, который знакомится с девушкой; он женат, у нее – бойфренд... Я одолел семь страниц, но наизусть знаю, что будет дальше. Меня ничем не удивишь. Я уже многие годы не читаю, а перечитываю. Жую одну и ту же жвачку, из которой мы лепим свои «новинки», объявляем их гвоздем сезона, выставляем на салонах, зарабатываем кучу денег и несем жуткие убытки. Машины перемалывают макулатуру, грузовики поутру мчатся в типографию, чтобы к вечеру вернуться с грузом «новинок», устаревших еще до своего появления.

Сколько лет назад я перестал прыгать от радости при мысли о том, что вот-вот открою шедевр и в понедельник войду к себе в кабинет новым человеком? Двадцать? Тридцать? Не люблю заниматься такими подсчетами – от них слишком явственно веет смертью. Стоит мне закрыть глаза и мягкий желтый свет настольной лампы, проникая сквозь веки, заполняется уродливыми черными фигурами, что громоздятся друг на друга, как на рисунках Виктора Гюго. Дыхание выравнивается, пульс замедляется – я вот-вот усну. Или умру. Смерть у штурвала. «Он умер, как жил, – скажут про меня, – среди книг, за чтением!» – хотя на самом деле я умру, мечтая ни о чем. Я уже давно не читаю по-настоящему. Может, я разучился читать – в общепринятом смысле слова? Может, я уже утратил эту способность? Если я поверну голову набок, сердце плотнее прижмется к столешнице, сообщая ей свои вибрации...

Здание погружено в бумажный кокон тишины. Подобно снегу, книги поглощают звуки. У моего ремесла – свой собственный удушливый запах. В тишине я чувствую его особенно остро. Возвращение к шуму внешнего мира дается мне с трудом.

Стучат в дверь? Кто бы это мог быть? Я не узнаю этот стук – легкий, чуть слышный, робкий. Стук тоненькой руки.

– Войдите.

Она вошла. Я ее раньше не видел. На мгновение меня охватила тоска по тем временам, когда издательство было таким маленьким, что по стуку каблучков в коридоре я узнавал каждую сотрудницу. У девушки приятное лицо. Судя по ее удивленному взгляду, мое собствен-

ное выглядит слегка помятым. Должно быть, на щеке отпечатались полосы от пиджачного рукава.

– Я вам не помешала?

– Как-нибудь переживу, мадемуазель. Вы кто?

– Я? Я тут на практике.

– В каком отделе?

– Понятия не имею. Знаете, на практикантов чего только не наваливают. Приходится везде поспевать.

– И вы хотите прибавки?

– Да нет, я вообще работаю без зарплаты. Мне показалось, что она слегка растрепана.

Одета в драные джинсы и еще во что-то пестрое. Невысокого роста, темноглазая, симпатичная – но вот сказать, красивая она или нет, я бы не смог. Читать девушек я тоже разучился. Во всяком случае, шустрая. Студентка «Эколь Нормаль»¹? Гуманитарные университеты – чем не машина, производящая тысячу Гастонов Галлимаров² в год и в том же ритме их перемалывающая?

– Нет, я учусь менеджменту в сфере культуры.

– Вот как? И вы хотите руководить издательством? Что ж, желаю вам удачи.

– Я бы предпочла заниматься организацией концертов.

– Присаживайтесь.

– Вообще-то мне пора бежать... Пятница, уже поздно...

– Пять минут. Итак, вы хотите организовывать концерты?

– Да. Музыка – это здорово.

– Тогда что же вы делаете здесь?

– Ну, я и книги тоже люблю! И потом, здесь была вакансия. Мы должны пройти практику в компании. Это обязательно.

– А что вас привело ко мне в кабинет, если не секрет?

– Главный начальник, месье Менье, сказал, чтобы я...

– Главный начальник? Менье?

– Разве вы его не знаете?

– Знаю-знаю. Даже слишком хорошо.

– Значит, знаете? Так вот, он попросил принести вам вот это.

– Что «это»?

– Ну это просто читалка. Электронная книга, вроде айпада, что ли... Он сказал, что загрузил в нее все рукописи, которые вам нужно прочитать за выходные, чтобы не таскать тяжести. Хотите, покажу, как ею пользоваться? Вот, смотрите, это экран, а на нем – все ваши рукописи. Они хранятся на виртуальных книжных полках. Дотрагиваетесь до какой-нибудь одной, и она тут же открывается. Ух ты, да их тут целая куча. Не представляю, как вы все это прочтете за два дня. Вот, глядите, текст открывается.

– А как же их перелистывать?

– Нажмите пальцем вот здесь, в нижнем углу, и появится следующая страница.

– Как в настоящей книге?

– Ну да, это специально так придумали. Пошли навстречу старичкам. Когда все забудут, что на свете были бумажные книги, еще удивятся, зачем эта опция. Можно же проматывать текст по вертикали. Скроллингом. Так гораздо удобнее...

¹ Эколь Нормаль Сюперьёр (Высшая педагогическая школа) – один из самых престижных парижских вузов. (Здесь и далее прим. ред.)

² Гастон Галлимар – основатель одного из самых известных французских независимых издательств (1911).

– То-то Керуак обрадуется.

Это имя не вызвало у нее никакой реакции.

– Простите, месье, но мне надо бежать. У меня сегодня самолет. Не читайте слишком много!

– В мои-то годы...

Она поднялась и ровно через секунду исчезла за дверью, аккуратно прикрыв ее за собой, а я попытался приручить читалку. Она была черная, холодная, враждебная. Я ей не нравился. На гладкой поверхности не торчало ни одной кнопки. Ни ручки, ни петли, чтобы носить в руке, как папку или портфель, – только хайтековский шик, стильный, как загорелый швед. Черный матовый или блестящий – по выбору – экран. Все обтекаемое, тонкое, стеклянное, невесомое (я прикинул на ладони).

Я положил читалку на стол и прилег на нее щекой. Она не шелестела, не сминалась, не пачкала. Ничто не навело на мысль о том, что у нее внутри хранится множество книг. Но главное – она была жутко неудобной: в портфеле потеряется, слишком мала; в кармане не поместится, слишком велика.

Если честно, больше всего она напоминала Менье. «Главного начальника». С такими невозможно найти общий язык.

Так что там эта девчонка говорила насчет книг и концертов? Похоже, мне придется расстаться со своим объемистым портфелем. Я таскаю его со студенческой поры, и развод будет трудным. Мы с ним любили друг друга, хотя никогда не высказывали своих чувств вслух. Доверху набитый вечером пятницы, он с точностью показывал, сколько весит моя работа. Из-за него мое левое плечо опущено чуть ниже правого. Профессиональная деформация. Квазимодо.

Теперь мне понадобится специальный футляр для читалки. Только с ручкой, пожалуйста. Я уверен, что такой уже лежит у Менье в ящике стола и в понедельник утром он торжественно вручит его мне, потребовав поделиться впечатлениями о своем подарке. «Надо идти в ногу со временем, Гастон!» Это его любимая шутка – называть меня Гастоном. Наверное, он думает, что доставляет мне удовольствие. А может, просто пытается блеснуть остроумием. Никаких иллюзий я не питаю – футляр, конечно, будет не от «Эрме» и даже не от «Лоншана», скорее всего, синтетическая подделка под крокодиловую кожу с противоударной прокладкой внутри. Вылитый Менье.

Пора домой, давно пора. Но мне хочется задержаться еще на минуту, полежать щекой на бумажных листах, – всего одну минуту, чтобы напоследок прилечь к рукописи. Почувствуй, чем пахнет страница, и считай, ты ее прочитал.

2

Терпеть не могу деревню. Именно поэтому я каждые выходные неизменно провожу в деревне. Чтобы читать, хватаясь за сердце, на вражеской территории, в зловещей черной тиши. Давно расставшись с надеждой на здоровый крепкий сон, я поднимаюсь с постели в непроглядной сельской темноте и берусь за самую увесистую из привезенных с собой рукописей. Ложусь на диван, укутываю ноги пледом и читаю. Обычно техника проста: я кладу бумажную кипу себе на живот и перемещаю прочитанные страницы на грудь. Постепенно груз проделанной работы давит на меня все сильнее и сильнее. Первые двадцать страниц я читаю очень внимательно, заставляя себя не спешить, потом темп понемногу ускоряется, сказывается профессионализм – знакомство с автором, понимание развития сюжета, а остальное довершает воображение. Именно в этом состоянии, уже подуставший, я глубже всего погружаюсь в книгу. Проникаюсь к ней симпатией. Это самый благодатный час работы с давними авторами издательства, с их неизменно добротными текстами, которым требуется лишь легкое подстегивание.

Сейчас на моем животе – читалка, которую я держу обеими руками. На экране – открытая страница. Размер шрифта я подогнал под диоптрии своих очков. На ощупь читалка холодная. Лишь через некоторое время рукам удастся ее согреть. В углу экрана дрожит пятнышком и режет глаз отражение лампы. Я ее выключаю. Теперь освещен только текст. Очко в ее пользу. Если я сейчас посмотрю на себя в зеркало – как есть, с читалкой под подбородком, – то пойму, что похож на привидение. Я – призрак бывшего читателя.

Кончиком пальца переворачиваю страницы, которые улетают в никуда. Исчезают со всеми своими потрохами в виртуальном мире, с трудом поддающемся воображению. Грудь некомфортно – нет ощущения, что чтение продвигается. Не слышно шелеста страниц. Мне недостает легкого сквознячка, обдувавшего шею всякий раз, когда я перекладывал очередной лист. Жарко. Глаза устали смотреть на светящийся экран. Вдруг до меня доходит, что я потерял одного из героев и вынужден вернуться назад. Беспольный карандаш так и торчит за ухом (обычно я использую его в качестве топора) – спрашивается, как мне теперь править опечатки? Мысль о том, чтобы вывести на экран клавиатуру и вклинить в электронный текст (практикантка показала, как это делается), мне глубоко противна. Я привык делать карандашные пометки на полях рукописи. Чтобы иметь возможность стереть их ластиком, если передумаю. Вот я кладу читалку на грудь и закрываю глаза. Жду, пока погаснет экран, и в ожидании рассвета на четверть часа погружаюсь в дремоту.

Во второй раз я возобновляю ритуал чтения уже в бистро, куда прихожу к открытию. Первый двойной кофе, крепкий до горечи, – мой. Неизменный кофе, подаваемый неизменным Альбером, с которым мы знакомы со школы, – немногословным человеком со своим набором привычек.

- Что, теперь прямо с телевизором гуляешь?
- Как видишь.
- Значит, бумажные пачки больше с собой не таскаешь?
- Зато не мнется.
- Вот твой сок. Сейчас Марко откроется, принесу тебе круассан.

Постепенно бистро заполняется шумом, наступает час считывания мимики и жестов. Первые посетители стряхивают остатки сна с помощью кофе с рюмкой кальвадоса или бокала белого вина, разбавленного газировкой. День начинается неторопливо. Суббота в деревне всегда тянется долго. Лично я в этот час читаю детективы. Подвешенный над бар-

ной стойкой радиоприемник передает новости, и его бубнеж сливается с негромким гулом голосов. И тут убийства, и там убийства. Я уже начинаю их путать. Обычно книжные убийства я раскрываю на раз, потому что заранее знаю, что будет в конце; с реальными труднее – несмотря на многократные повторы в каждом очередном выпуске, здесь я бессилен. Альбер не обращает на меня внимания, завсегдатаи тоже – я для них что-то вроде мебели, шума от меня никакого. Я держусь, пока они не садятся играть в белот, – тогда громкие восклицания, привычное переругивание и звуки голосов, объявляющих взятки, гонят меня прочь.

Экран читалки поблескивает жирными пятнами. Ясное дело, круассан от Марко. Альбер услужливо протягивает мне тряпку, которой вытирает стойку. Для верности прохожусь по экрану еще и рукавом, чтобы уж досуха, и покидаю быстро. Интересно, эта штука боится влаги?

Пора в парк, там у меня своя скамейка. На улице пасмурно, но дождя нет. Идеальная погода, чтобы сидя под липой читать стихи. Черт, где же они в этой проклятой черной коробке? Я все перерыл, обшарил каждый уголок, но стихов так и не нашел. Что ж, это вполне в духе Менье – взять и просто выкинуть их. На всякий случай – вдруг мне взбредет в голову настаивать, чтобы мы их издали. «Убыток, Гастон! Сплошной убыток!»

Если стихи хорошие, то они дарят мне лучшие минуты за весь день. Становится жарче, слышны пронзительные вопли играющих детей. Я задираю на скамью согнутую в колене ногу и сам себе пою стихи. Сегодня производительность моего труда ничтожна. Я топчусь на месте, возвращаюсь назад, с трудом вспоминаю забытую строчку – зря теряю драгоценное время. Будем считать, что я взял отпуск. Я кладу читалку на колено, блуждаю взглядом по сторонам, на ум приходят другие стихи, потом еще другие, потом вообще ничего. Я дезертировал.

Порой ко мне присоединяется Адель. С годами она научилась точно угадывать, в какой именно момент я уношусь мыслями к облакам, и иногда умеет вернуть меня к нормальной жизни. В мир людей, которые читают не больше часа в день, в мир вещей пятидесятилетней домохозяйки, которая диктует свои вкусы издательствам, торговым фирмам и новостным агентствам. Обычно Адель появляется из глубины парка, я узнаю ее белоснежную голову, ее гибкую походку, в последнее время слегка утратившую легкость, и понимаю, что мне пора.

Сегодня она не придет – заранее предупредила, что хочет поспать подольше, и попросила меня зайти в магазин. Я не забыл. На сей раз буду выбираться из мечтательного оцепенения самостоятельно. Кстати, она добавила, что собирается умыкнуть у меня читалку, пока я буду спать после обеда. У Адель тонкие пальцы и острый ум. Она не то что я, способный приручить разве что кнопку «Вкл/Выкл», – пользователь, и даже не продвинутый.

– Привет, Рене. Можешь взвесить мне эту штуку?

Мясник – прямая спина, заляпанный кровью фартук, свисающий с пояса нож – не моргнув глазом берет у меня читалку и кладет на весы. Стрелка, чуть поколебавшись, замирает.

– Семьсот тридцать грамм, тютелька в тютельку, старина Робер.

– А весы точные?

– Спрашиваешь. Можно посмотреть эту хреновину? Как включается?

– Нажми пальцем вот здесь, внизу.

Толстыми красными пальцами Рене подхватывает всю мировую литературу. Семьсот тридцать граммов. Гюго + Вольтер + Пруст + Селин + Рубо – все вместе тянут на семьсот тридцать граммов. А если добавить Рабле? Семьсот тридцать граммов. А Луизу Лабе? Семьсот тридцать граммов.

– Отрежь-ка мне пару кусков мяса потолще, Рене.

– Парочку ромштексов? Не вопрос. На, машинку свою забери. Я ее малость кровью испачкал, извини. Небось детишки себе такую захотят. А кино на ней смотреть можно?

Рене сжимает пальцами нож и отточенным жестом, унаследованным от отца, отрезает два куска мяса. Затем бережно, словно шедевры искусства, укладывает их на лист пергаментной бумаги. В этой мясной лавке ничего не меняется – тот же нож, такое же мясо. Никакой революции на марше.

– Видишь, Рене? У тебя с одной стороны – стейк, с другой – бумага. Так и у меня теперь. Текст сам по себе, бумага сама по себе. Они теперь по отдельности.

Надо бы заглянуть к Марко, кондитеру, проверить, не надул ли меня Рене, взвешивая мировую литературу, а заодно и мясо. В крайнем случае, заляпает мне читалку еще и кремом.

3

– Почему у вас на носу пластырь? Вы что, подрались?

– Нет, я читал лежа и задремал, а читалка возьми и упади на меня. Она весит ровно семьсот тридцать граммов, я проверял. Хорошо, хоть нос у меня крепкий. Правда, должен признать, что пластырь на носу сильно мешает – хочешь не хочешь, все время косишь на него глазом... Итак, что вы на сегодня для меня запланировали?

Я очень хорошо отношусь к Сабине. Она рыженькая. Если бы в каждой конторе работала хоть одна рыженькая, дела у всех пошли бы в гору. Мне нравится заходить к ней в кабинет. Когда я открываю ее дверь, она разворачивается вместе с крутящимся креслом и встречает меня лицом к лицу, словно нам предстоит сразиться на поединке. На самом деле это лишь игра: я притворяюсь, что не знаю, чем должен заняться, она делает вид, что полностью контролирует мое расписание. Она знает обо мне все, я о ней – тоже немало. Более внимательный наблюдатель обнаружит, что на ней держится все издательство и что она с большим удовольствием доказывает это всем и каждому. В юности она была невероятно хорошенькой, но даже сейчас, в свои тридцать с хвостиком, остается красивой. Сколько авторов остались у нас только ради нее? Сколько пылких сердец влюбилось в нее без памяти? Она пережила все бури и сокращения. В тот день, когда лет десять тому назад я брал ее на работу, мне подумалось: «Ну, с таким темпераментом она здесь и двух недель не продержится, но мне позарез нужна помощница!» Судите сами, насколько я разбираюсь в женщинах.

– Утром вас хотят видеть дизайнеры с макетом, а в тринадцать пятнадцать вы обедаете с Бальмером.

– В какой забегаловке?

– Я заказала столик в «Тильбюри». Годится?

– Как всегда. А Бальмеру чего надо?

– Ничего. Это его надо подстегнуть. Он получил большой аванс, и Менье боится, что он будет тянуть резину.

– Много он понимает, этот ваш Менье. Бальмер всегда сдает рукописи в срок.

– Менье сам спит на ходу!

– Почаще мне это повторяйте. Америкашкам мейл отправили?

– Конечно, шеф.

Мадам Мартен, хозяйка «Тильбюри» на улице Драгон, дама в возрасте Полины Реаж³, несет личную ответственность за желудки доброй половины французской издательской братии. Она заботливая хлопотунья, этакая лионская мамочка, непонятно зачем оказавшаяся в Сен-Жермен-де-Пре. Помню, в молодости, собираясь основать свое издательство, я раздумывал, стоит ли мне открываться в этом квартале, – причиной моих сомнений была она, потому что я своими глазами видел, как толстеют мои старшие товарищи, делаясь все более грузными и неповоротливыми, – пугающая картина. Мысль о том, что в один прекрасный день я стану таким же, меня отнюдь не прельщала. Положение отчасти спасали два выдающихся аскета, неизменно сидевшие за одинокой бутылкой воды «Эвиан». Это были две статуи Командора, два Джакометти от книгоиздания. И я сдался. В конце концов, состояния я, может, и не сколочу, зато хоть питаться буду хорошо.

³ Полина Реаж – псевдоним французской писательницы Доминик Ори (1907–1998), автора нашумевшего эротического романа «История О», анонимно опубликованного в 1954 году. В своем авторстве писательница призналась широкой публике в возрасте 86 лет.

– Я оставила для вас обычный столик, месье Дюбуа.

– Вот спасибо, мадам Мартен. Пожертвовать круглым столом ради всего двух посетителей, да еще на улице, где каждый квадратный сантиметр на вес золота, – это ли не щедрость!

– Постоянный клиент с таким прекрасным аппетитом вполне мог бы претендовать на половину моего ресторана!

– Я бы не возражал.

– Сегодня у меня бланкет.

– Я жду Бальмера, но пока что-нибудь выпил бы.

– Как всегда, бруйи?

– What else?⁴

Чистое наслаждение – наблюдать, как, переваливаясь с боку на бок, она ходит между столиками. Неделями ловя обрывки разговоров, она наверняка в курсе всех наших секретов. Так, мне бы очень хотелось узнать у нее, что замышляет толстяк в глубине зала – кого из моих авторов он собирается сманить, суля златые горы и всемирную славу...

– Вот ваше бруйи. Как, достаточно охладилось? Еще есть неплохое бордо.

– Ни за что. Видите ли, на работу я прихожу раньше всех. Пашу как вол. Решения, в правильности которых не сомневаюсь, я принимаю до обеда. Вы обратили внимание, что двадцать лет назад я приходил обедать в половине первого, потом – в час, и вот докатился до часа пятнадцати? И ведь это не случайно. За обедом я немного выпиваю, чтобы до вечера в голове плавал легкий туман. Он помогает мне принимать решения неожиданные и странные. В нашем деле без этого нельзя. Издательское ремесло требует не только точных расчетов. Иногда все зависит от случая – сумасшедшего, я бы сказал, пьяного случая. Разумеется, это мое личное мнение. Те, кто делает ставку на Лагардов с Мишарами⁵, сколачивают недурные состояния – вот они пусть и пьют выдержанное бордо... Простите. Алло?.. Бальмер? Привет. Ты что, хочешь меня голодом уморить? Уже половина второго!

– Пируй без меня. Тут такое наклеывается... Я сейчас в представительстве *Apple*, не знаю, насколько задержусь. Они предлагают, чтобы я писал им тексты для айфонов и айпадов. Представляешь? Прощай, бумажный роман, прощай, Гонкуровская премия! Теперь буду строчить текстики по полстранички, веселить народ. Золотая жила! И работы – непочатый край...

– А ты не забыл, что должен мне текст? И без всяких новомодных примочек? Старый добрый роман?

– Да не забыл, не забыл. Но ты уж мне поверь – это нечто! Ты тоже должен заняться чем-то в этом духе. Эти ребята просто гении! Ну, пока. Увидимся!

Вот так. Понадобилась технологическая революция, чтобы за обедом я оказался в одиночестве.

Я никогда не обедаю один, а если уж обедаю, то не в ресторане. Большой круглый бокал с бруйи, украшенный красным баскским крестом, сейчас как нельзя кстати.

– Приношу вам свои глубочайшие извинения по поводу стола, мадам Мартен. Сегодня я вынужден обедать один.

– Это что-то новенькое, месье Дюбуа. Чем же мне вас порадовать?

⁴ Что же еще? (англ.)

⁵ Лагард, Андре и Мишар, Лоран – авторы школьных учебников и хрестоматий по литературе, издающихся рекордными тиражами.

- Начнем с артишока?
- Теплого?
- Теплого. А потом – телячьи мозги в сухарях.

Артишок – овощ одиночек. В компании есть его трудно, но когда ты один – это воистину пища богов. Медитативный овощ, предназначенный для настоящих гурманов. Вначале твердый и плотный, затем понемногу все более мягкий и нежный. Постепенно зеленоватый оттенок бледнеет, переходя в соломенный, открывающийся взору за последним из остроко- нечных фиолетовых лепестков. Укусный соус подчеркивает нюансы вкуса каждого следу- ющего слоя. Темп продвижения выбираешь себе сам. Артишок тебя не торопит. Можно по несколько минут держать во рту каждый листик, пока язык не ощутит горечь; можно, напро- тив, вонзить зубы в основания нескольких листиков сразу и отхватить добрый кус плотной мякоти. Для артишока существует лишь одно табу – спешка. Этот овощ диктует свои пра- вила этикета. Затем наступает миг развлечения – ты удаляешь внутренние волокна. При- жимаешь их большим пальцем и аккуратно срезаешь ножом прядку за прядкой, в нежном, почти любовном содрогании, освобождая сердцевину от ее шевелюры. И вот она – награда: с помощью вилки и ножа ты проникаешь в сердце артишока, молясь про себя, чтобы взрас- тивший его садовник не оставил в нем ни намек на мучнистый привкус.

Оказывается, мадам Мартен успела поставить на стол мисочку с дополнительной пор- цией соуса, смягченного чайной ложкой сметаны.

Кстати, а что там насчет литературы? Нашел ли в ней артишок свое достойное отра- жение? Кто-нибудь посвятил ему роман, страницу или хоть абзац? Сегодня же вечером про- верю.

Теперь, откинувшись на спинку стула, медленно прожевать кусочек хлеба перед глот- ком вина – бруйи несовместим с укусом – и дожидаться обжаренных в сухарях божественно вкусных телячьих мозгов, которые лениво разваливаются под вилкой, а затем тают между языком и нёбом. Еще одно блюдо для одинокой трапезы. Интеллектуалы терпеть не могут, когда при них едят мозги. Заказывать на обед мозги – проявление предосудительного дур- новкусия со стороны издателя.

4

– Ну что, Гастон, как тебе мой подарок? Потрясающая штука, скажи? Чудо техники!
– Я обратил внимание, что она имеет склонность прятать стихи.
– Глупости. Ты просто не умеешь искать. Постарался бы, все бы нашел.
– И в поезде на обратном пути я читать не смог – села батарейка. Согласись, это большое неудобство.

– Что ж ты ее не зарядил?

– Наконец, я поранил об нее нос. Полагаю, мне следует взять больничный на пару недель – как-никак производственная травма. Очевидно, нам придется пересмотреть все трудовые договоры.

– Не волнуйся, больше это не повторится. Я принес тебе мягкий футляр. Смотри: легкий, элегантный, синтетика под черную крокодиловую кожу...

Менье. Не надо быть Нострадамусом, чтобы предсказать его поступки. Когда он впервые вошел ко мне в кабинет, я увидел перед собой мальчика в стариковском костюме. У него была непропорционально большая голова резинового пупса, торчавшая над уродливым, но черным галстуком, дешевой, но белой рубашкой и плохо скроенным, но серым пиджаком. Он только что окончил бизнес-школу и явился устраивать мне аудиторскую проверку. Его прислали шишки из холдинга, который выкупил у меня издательство, чтобы навести прозрачность в моей бухгалтерии – до того прозрачной, что сквозь нее можно было смотреть как сквозь стекло. Я в тот момент переживал не лучшие времена: четыре обреченные на успех книги подряд провалились, а два летних бестселлера оказались бэдселлерами. Мои финансы пели романсы. Мне страшно хотелось дать ему пинка под зад, но, как ни странно, под толстой коркой кретинизма я разглядел в нем проблески ума.

Помню, я даже пытался объяснить ему, как работает книжное издательство, надеясь, что он хоть что-нибудь поймет и оторвется наконец от кипы счетов.

Спустя неделю, в течение которой он каждый день работал до десяти вечера, Менье с торжествующим видом вошел в мой кабинет и заявил:

– Я нашел решение вашей проблемы, месье Дюбуа!

Помахал перед собой пачкой листов и провозгласил:

– Надо отказаться от книг, которые продаются тиражом меньше пятнадцати тысяч экземпляров, – и вы выйдете в ноль. А если сократить две штатные единицы, то уже в первый год можно рассчитывать на небольшую прибыль.

Самое поразительное (Менье по-прежнему не перестает меня изумлять: судите сами, насколько хорошо я разбираюсь в мужчинах), что я ему даже не врезал. После долгого молчания я выдвинул правый ящик стола и протянул ему годовой издательский план.

– Гениально, месье Менье. Вот план книгоиздания на будущий год. Будьте добры, отметьте те книги, которые разойдутся тиражом меньше пятнадцати тысяч, и я с радостью их вычеркну.

Он внимательно, словно прилежный ученик, изучил листок и вернул его мне.

– Затрудняюсь, – признал он. – Я не всех этих авторов знаю.

– Видите ли, все дело в том, что точно сказать, продашь ты пятнадцать тысяч экземпляров или нет, можно только *после* выхода книги. Даже если знаешь всех авторов. Гораздо важнее знать покупателя.

– Значит, нужно провести маркетинговое исследование рынка.

– А вам известно, во что оно обойдется, месяце Менье? Не старайтесь, все равно не угадаете. В три раза дороже, чем выпуск книги. Поэтому мы и завели дурную привычку сначала печатать книги, а потом смотреть, как они продаются. Это называется издательский бизнес. И я, так уж сложилось, занимаюсь им профессионально.

Следующие несколько дней я наблюдал, как он шатается по коридорам, постепенно ослабляя узел галстука, а потом и вовсе сунув эту деталь костюма в карман. Видно было, как его мозг выкипает в бесплодных попытках соединить вместе части головоломки, которые не желали складываться в связную картину. Да уж, задал я ему задачку. Затем была Женевьева и ночь долгих поцелуев – и он пропал с потрохами. Эта дылда весь день пишет как проклятая, а по ночам для восстановления сил пожирает молоденьких парнишек. Она поведала ему, как прекрасно писательское ремесло, какими розами и шипами усыпан путь литератора. Она смяла его простыни в гармошку. Всего за несколько недель Менье совершил массу головокружительных открытий и подхватил вирус. Книгоиздание – это болезнь, передающаяся половым путем. К этому мы еще вернемся. С тех пор Менье и прилип ко мне как банный лист. Он отверг предложение аудиторской компании *PricewaterhouseCoopers*, хотя они сулили ему сумасшедшую зарплату, и с благословения акул капитализма, по отношению ко мне довольно прижимистых, решил остаться в издательском бизнесе. Видеть его не могу.

Временами, когда он особенно меня достает, я прошу Женевьеву его отключить. Она идет на это только ради меня, потому что предпочитает новизну. На несколько дней она забирает его к себе и держит в плену своих длинных ног, после чего возвращает назад, преподав пару-тройку наглядных уроков. Она сидит перед компьютером и работает над любовным романом, а он и пикнуть не смеет, пока она не закончит очередную главу.

– Знай, засранец, – говорит она ему, – дать автору от ворот поворот проще простого. Издеваться над его работой тоже легко. Но я хочу, чтобы ты видел, чего стоит написать книгу. Даже плохую. Особенно плохую!

Мы получаем его назад улучшенным – менее зажатым, более гибким. В нем даже начинает проглядывать издатель. Женевьева творит чудеса. Именно по этой причине я никогда не отвергаю ее рукописей и на каждую ее книгу обеспечиваю хвалебную рецензию в *Elle*. Она обожает любоваться своей фотографией в женских журналах. Кстати, что-то давненько она у нас не появлялась. Надо будет пригласить ее в «Тильбюри».

– Я прочитал рукопись, которую нам прислал Будон. Парень знакомится с девушкой. Он женат, у нее бойфренд... Сюжет вроде ничего, но, хоть убей, не пойму, что стряслось с Будоном, пьяный он писал, что ли? Волосы цвета спелой пшеницы, небесно-голубые глаза... Короче, сам понимаешь.

Менье так и остался зеленым новичком в нашем ремесле. Его хлебом не корми – дай разнести автора в пух и прах. Делать ему больше нечего. Мы получаем такое количество плохих рукописей, что лучше поберечь голосовые связки.

– Чем хороши читалки, так это тем, что теперь можно рискнуть и опубликовать тексты вроде этого. Привлечем массу новых читателей.

– Если бы меня научили, я бы на ней кино смотрел. У нее больше общего с телевизором, чем с книгой. Выбираешь себе сериальчик и смотришь между делом – в кафе, а автобусе, в туалете... «Прослушку» там или «Отчаянных книгоиздателей»... Хоть в оригинале, хоть в переводе, хоть на иврите с китайскими субтитрами...

Кабинет озаряет рыжая вспышка. Это Сабина.

– Шеф, гоните Менье вон, у нас срочная работа. А ну брысь! Посмотрите только на этого паразита! Мало того, что сам ничего не делает, еще и вам мешает. Знаете, за чем я его сегодня утром застукала? Сидел у себя за столом, пялился в зеркальце и расчесывал брови! А вчера на практикантов орал, почему ушли с работы в семь вечера! Хотя им, между прочим, даже не платят. Ну ни в какие ворота!.. Ничего, он у меня еще попляшет.

– Чем займемся в ожидании этого великого дня?

– Я принесла цифры. Дело дрянь.

– Хуже, чем обычно?

– Вот, смотрите. Это возвраты. Просто какой-то обвал! Утром отправляем по дорогам Франции десять грузовиков, а вечером шесть с половиной получаем обратно. Как это понимать?

– Значительная часть работы издательства состоит в том, чтобы жечь бензин. Разве ты не в курсе?

– Говорю вам, дело дрянь. У меня ощущение, что наши книги даже на прилавки не попадают. Повозят туда-сюда и назад, к нам. Только не притворяйтесь, что эти цифры вам безразличны, не злите меня. Хотите дольку темного шоколада?

– Мы выхолостили книги, убрали из них всяческий смысл, чтобы они лучше продавались, – и вот результат: теперь они не продаются вовсе. Это наша ошибка.

5

– Входите, входите. Я узнал стук вашей мышинной лапки, мадемуазель практикантка. Присаживайтесь.

– Я просто хотела спросить, все ли в порядке с читалкой. Вы в ней разобрались?

– Наилучшим образом. За исключением того, что забыл ее подзарядить. Сначала все шло отлично, но потом начались сложности. Я уж и тряс ее, и дул на нее, и бодался с ней – видите боевую рану? И все впустую. Так и остался во тьме невежества. В этом смысле читалка чрезвычайно полезна – я хоть отдохнул.

– Конечно, бумажные книги подзаряжать не надо. Но вы не думайте, я очень люблю книги. Даже я. У меня всегда с собой какая-нибудь книга. Правда, когда дочитываю, оставляю в вагоне метро – у меня в комнате мало места.

– Как вас зовут? Мысль, которую вы только что сформулировали, заслуживает авторства.

– Валентина. Валентина Тижан. А вас как зовут, если не секрет?

– Обычно я отзываюсь на имя Робера Дюбуа.

– Робер Дюбуа? Ну надо же! То есть вы – тезка издательства? «Издательский дом “Робер Дюбуа”»! Прикольно, наверно, когда тебя зовут так же, как издательство.

– Ко всему привыкаешь.

– Наверное, месье Менье это нравится.

– Обычно он называет меня Гастоном – это ему нравится еще больше.

– Почему Гастоном?

– Долгая история...

Она расположилась на кожаном честерфилдском диване, закинув ногу на ногу, и я обратил внимание, что на голой левой коленке больше нет ни пластырей, ни ссадин. Ну, это ненадолго. На ногах – ботинки «Доктор Мартенс» в цветочек. Одета модно, но по моде прошлого года. Она мне нравится. Ничего не знает и хочет всего. Вот оно – будущее моей профессии.

– Скажите, пожалуйста, вы, должно быть, в курсе... Где вы, практиканты, прячетесь? Похоже, вас тут полно, а я ни одного практиканта ни разу не видел. Ну, кроме вас, конечно.

– Обычно нас человек пять-шесть, но состав постоянно меняется. Большинство – студенты Эколь Нормаль Сюперьёр или Сьянс-По⁶. Математиков почти не бывает. Торгаши стараются устроиться на биржу, особенно если есть шанс заработать.

– Действительно, здесь вам такое явно не грозит.

– Ну, зато в издательстве прикольно. Можно читать новые книги. И на писателей можно посмотреть, они же приходят подписывать договоры.

– Но они все же не такие прикольные, как певцы?

– Лично я предпочитаю гитаристов, типа *guitar heroes*⁷. И очень хотела бы посмотреть на Жана-Мари Леклезио.

– Как вы думаете, вы могли бы организовать мне небольшую встречу с вашими коллегами, как-нибудь вечером на этой неделе? Небольшой междусобойчик, здесь, у меня в кабинете.

– Запросто.

⁶ Сьянс-По – Высшая политологическая школа (Париж), один из самых престижных французских гуманитарных вузов.

⁷ Героев гитары (англ.); «Guitar Hero» – приставочная игра, симулятор игры на гитаре, в котором используются хиты знаменитых гитаристов.

– Спасибо. Соберемся попозже, после работы. А пока – вот, возьмите эту рукопись. Как видите, она старого образца, на восьмидесятиграммовой бумаге. Прочитайте, а потом скажете, что вы о ней думаете.

– Но я же не рецензентка...

– Что-то мне подсказывает, что читать вас все же научили. Рискнем...

По вечерам я экономлю время: не разглядываю витрины – все равно в них больше не увидишь ни одной книги, а в новомодные зауженные пиджаки и остроносые ботинки я уже не влезаю. Я экономлю время: не захожу в бар опрокинуть по стаканчику с коллегами – все наши разговоры сводятся к тому, что мы публикуем слишком много никому не нужных книг, что давно пора это прекратить, а вместо этого с каждым годом увеличиваем их выпуск еще на десять процентов. Я экономлю время: не ужинаю в городе, потому что давно объелся этими ужинами.

Футляр не спасает – читалка по-прежнему болтается в слишком большом для нее портфеле, я чувствую ее ногой. Мне трудно расстаться с портфелем, у меня в нем книжка карманного формата с обтрепанными страницами («Времена года» Мориса Понса – я таскаю ее в наказание за то, что в свое время упустил этого автора), «белая книга» с полной информацией о нашем издательстве – десять лет назад я дарил такие своим авторам на Рождество, перьевая ручка «Шиффер» и складной нож со штопором. Я ни разу им не пользовался, но уверяю себя, что когда-нибудь он может мне пригодиться. Скажем, в тот день, когда наступит конца света. Или в день, когда весь мир устроит грандиозный пикник. Или когда у меня по причине старческого слабоумия отберут столовый нож. Тут-то я его потихоньку и достану. Возможно, в скором времени люди и бумажные книги будут носить с собой на всякий случай, как я ношу нож. Вещь бесполезная, но придающая уверенности в себе. И со штопором в придачу. В этот вечер длина пути от работы до дома составила 788 шагов. Я считал.

Адель понравилась моя читалка. Она забирает ее у меня, пока я чищу картошку, а потом ставлю запекаться с сыром, добавив пару-тройку белых грибов – вместо мяса – и сливки. Адель нашла в читалке игры, и до меня регулярно доносится «пф-фф, пф-фф», когда она убирает очередную пару в маджонге. И честно ставит читалку на подзарядку, пока мы ужинаем. До чего надоели журналисты, говорит Адель. Она постоянно повторяет, что ей надоели журналисты. Мне кажется, она разлюбила свою работу. Лично я был готов заниматься в издательстве чем угодно – кроме пиара. Потому-то я на ней и женился. Вдвоем мы представляем собой полноценного издателя. Хотя и работаем в разных издательствах (что разумно), но тем не менее. В этот вечер мы пьем вакейрас – за то, чтобы праздник жизни длился вечно.

Ночью мне слышен негромкий шум бульвара. Огни в доме погашены, лишь кое-где темноту нарушает отсвет уличных фонарей. Адель без конца кашляет во сне. Может, ей снится Бернар Пиво?⁸ Читалка лежит у меня на коленях, и я читаю историю о парне, который знакомится с девушкой... В какой-то момент мне захотелось проверить в словаре одно слово. Где-то в бездонном чреве этой штуковины запрятан и словарь. «НаноРобер»⁹. В его поисках неожиданно натыкаюсь на телевизионный канал. Вот так-так – у меня в руках настоящий телевизор размером с книгу. В темноте я смотрю кино, и мое лицо озарено отраженным светом лица Жюльет Бинош. Кажется, ее собирается изнасиловать оборотень. Не бросать же ее в такой жуткой ситуации... А может, вообще хватит читать?

⁸ Бернар Пиво – французский журналист, телеведущий и литературный критик, один из «законодателей мод» в области культуры.

⁹ Имеется в виду «Ле Пети Робер» – толковый словарь французского языка.

Утром, невыспавшийся – это все из-за нее, – торопливо собираюсь на работу; за ночь я так ничего и не сделал. Адель курит возле окна свою первую сигарету, на улице моросит дождь, я допиваю кофе, одновременно бреясь, – довольно рискованное занятие. В памяти всплывает похожая сцена из одного романа (я напечатал его давным-давно и с тех пор напрочь забыл и фамилию автора, и название), а вслед за ней – образ стоящего перед зеркалом Антуана Дуанеля, влюбленного в мадам Табар, хотя, по правде говоря, я существенно старше Жан-Пьера Лео¹⁰. Остывший кофе, пахнувший пеной для бритья, отвратителен на вкус.

На столе вибрирует мобильник. Первая за день эсэмэска от Менье. Он сообщает, что из США пришла рукопись Роберта Кувера и надо срочно принять по ней решение. На часах всего восемь утра, а меня уже теребят. Значит, первую половину дня проведу за чтением. Я люблю Роберта Кувера, он меня злит. Он из тех авторов, которые никогда не повторяются. Его книги плохо продаются, но я все равно его люблю. Уверен, что Менье скрестил пальцы, чтобы я отверг роман. Но я все равно его возьму.

Помню, когда я, начинающий издатель, познакомился с Адель (в те времена она походила на прелестного черного котенка), то говорил ей, что, если мне удастся напечатать великолепный роман, написанный талантливым автором, чьим творчеством я искренне восхищаюсь, если этот роман будет исключительно благосклонно встречен критикой, переведен на шесть языков и принесет мне кучу денег, – я в тот же день закрою лавочку.

В дальнейшем мне случалось выполнить все пункты этой программы, но по отдельности, с разными книгами. Так что я продолжаю...

Сегодня утром длина пути от дома до работы составила ровно 749 шагов. Подсчитано лично мной.

¹⁰ Антуан Дуанель, мадам Табар – персонажи автобиографического фильма Франсуа Трюффо «Украденные поцелуи». В роли Антуана Дуанеля снялся Жан-Пьер Лео.

6

Рукопись Кувера лежит на моем рабочем столе. Чья-то белая рука освободила для нее место в самом центре, очевидно, на тот случай, если мне взбредет в голову похоронить ее под одной из бумажных груд – моих Пизанских башен, моих Абу-Даби. Внезапно меня посещает кошмарное видение: мой стол в ближайшем будущем, на котором нет ничего. Кроме небольшого плоского предмета с черным экраном на гладкой столешнице орехового дерева. Опустевшие стеллажи, доживающие свои последние дни. И – никаких запахов, кроме моего собственного. Может, повесить на стены пару-тройку фотографий с книгами в стиле ретро? Например, Кертеса? Или красоток с бабеттами, делающих вид, что поглощены чтением карманной книги? Никаких больше монбланов рукописей, никаких пачек писем на компьютерной клавиатуре... Только записки-стикеры от Сабины: «Отменить заказ на бумагу», «Разорвать договор с типографией», «Побывать на похоронах брошюровщика», «Постараться не загибать уголки страниц», «Не швырять книгу об стену, даже самую плохую», «Спрятать бумажную книгу в дальнем ящике стола, вместе со свечой, на случай, если отключат свет», «Перестать быть собой».

Под скрип кресла задираю ноги на кипу журналов «Книжный мир». Кувер. Сборник рассказов. Менье будет счастлив в очередной раз в подробностях изложить мне свою теорию о не продаваемых ни при каких обстоятельствах книгах. Я стану на защиту Кувера, настаивая на его принадлежности к Организации электронной литературы. Человек будущего, модерновый постмодернист. Уже отмеченный премиями, что должно несколько успокоить Менье. Он напоминает мне Рене, моего нормандского мясника, помешанного на премированных быках. У того вся витрина в медалях.

Я задраиваю все люки. Отгораживаюсь от внешнего мира и погружаюсь в чтение. Кувер – трудный автор, надо уметь влезть в его панцирь, втиснуться в него, окорябав руки-ноги, чтобы потом пережить беспокойное умиротворение, какое приносит только подлинная литература.

Не могу сказать, что я больше всего люблю подобные книги, но одно знаю наверняка: перед ними критик во мне умолкает. О том, чтобы отвергнуть рукопись, не может быть и речи. Перевод придется поручить кому-то уровня Хепффнера или Петийона¹¹. «И сколько он с нас сдерет?» Вложив деньги в то, что было «моим» издательством, все эти менье устроили в нем гражданскую войну. Или как минимум игру в войнушку. И, поскольку я ее уже, считай, проиграл, мне позволено иногда одерживать мелкие локальные победы. Роли распределены, кинжал уже пробил мне сердце. Но я еще дергаюсь из последних сил и печатаю хорошие книги, которым суждена короткая жизнь; кое-какие из них обретут вечный покой в крупных библиотеках, большинство пойдет на макулатуру. Или вернется в исходные пиксели. Интересно, как будут пускать под нож читалки? Увы, я всегда предпочитал деньгам книги.

Я беру Менье за горло. Не успевает он сунуть ко мне нос, как я издаю вопль:

– Гениальная книга! Кувер – чудо! «Маминар» все локти себе искушает, когда мы уведем его у них из-под носа! Срочно покупаем права, готовим договор и заказываем перевод! Первая полоса «Либерасьон» нам обеспечена! Вечерние новости по телевидению! Это нечто! Бриллиант чистой воды!

¹¹ Бернар Хепффнер – переводчик Джойса, Марка Твена и многих других англоязычных авторов; Ив-Пьер Петийон – профессор Сорбонны, специалист по американской истории и литературе, переводчик.

- И сколько экземпляров мы продадим?
- А это, дружище, спроси у Менье. Если Менье и вправду так хорош, как о нем говорят, то он продаст вагон и маленькую тележку. Верно, Менье?
- Посмотрим... Что там, сборник рассказов? Ладно, обсудим позже. А сейчас ты срочно нужен.
- Кому?
- Ты прекрасно знаешь, что мы провожаем на пенсию месье Марселя и мадемуазель Матильду – после сорока лет далеко не беспорочной службы.
- Я думал, завтра.
- Чем раньше, тем лучше.

Мадемуазель Матильду ни с кем не перепутаешь. Это пожилая дама, то и дело промакивающая глаза уголком вышитого платочка. Она шмыгает носом и застенчиво краснеет. В тот день, когда я брал ее на работу, она выглядела хмурой, видно, пришла ко мне не в лучший момент своей жизни, зато оказалась отличным бухгалтером – старой школы, из тех, кто аккуратно заносит в одну колонку доходы, а в другую – расходы и сгрызает себе все ногти от ужаса, если баланс между ними не сойдется тютельница в тютельку. Ковролин в издательстве вымок от слез мадмуазель Матильды и не просохнет уже никогда: ей так хотелось, чтобы первая колонка была гораздо длиннее второй! Сейчас все сотрудники столпились вокруг нее, и она в последний раз от души оплакивает судьбу французского книгоиздания и лично бедного месье Дюбуа. Менье стоит настороже в окружении своих клонов, чьи зубы хищно сверкают – теперь кому-то из них достанется отдельный кабинет. Валентина держится чуть поодаль, дружески подмигивает мне и указывает подбородком на своих братьев-практикантов. Они налегают на жареный арахис, горстями загребая его из вазочек, – успели проголодаться. Месье Марсель, завскладом, ответственный за погрузку-разгрузку-упаковку (ценность этой профессии в том, что она скоро станет раритетной), глядит бодрячком: все, что здесь происходит, – не более чем ступенька на пути к сияющим вершинам, где играют в петанк и пьют анисовый ликер и где только и начинается настоящая жизнь. Его улыбка обращена к новым заманчивым горизонтам.

Чтобы воздать должное обоим, я обращаюсь к ним с бесконечной речью, в которой вспоминаю все: знаменательные события, имена известных писателей, банкеты в ресторане «Лютетия» по случаю того, что один из наших авторов засветился в «Апострофе»¹², бестселлер, вынудивший нас закупать бумагу у конкурентов – настолько быстро рос тираж, ни с чем не сравнимую прелесть нашей работы, ни с чем не сравнимую подлость нашей работы, день, когда мадемуазель Матильда допустила ошибку в расчетах, день, когда месье Марсель ездил на машине в замок Блуа за Жаном д'Ормессоном¹³, три тучных года, когда мадемуазель Матильда, борясь с собой, в конце декабря приносила мне на подпись премиальную ведомость – такую сумасшедшую прорву денег мы тогда заработали. Я искусно обошел эпизод с массовым десантом людей в сером, вогнавших мадемуазель Матильду в дрожь и посадивших ее на прозак, и закончил на ликующей ноте, вспомнив банку маринованных огурцов, которыми мадемуазель Матильда потчевала месье Марселя в обеденный перерыв. Мы выпили, закусили, и некоторые из нас вышли на пенсию. «Уф!» – выдохнул трезвый Менье.

Ближе к концу пирушки я делаю знак Валентине зайти ко мне в кабинет.

– Какая вы сегодня нарядная. Впервые вижу вас в юбке и кардигане. Полагаю, Менье пригласил вас на ужин?

¹² «Апостроф» – литературная передача на французском канале «Антенна».

¹³ Жан д'Ормессон – французский писатель, с 2009 года – пожизненный глава Французской академии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.